

Для цитирования: Соловьева, С. В.
Война в контексте проблемы
социокультурного порядка / С. В. Соловьева //
Социум и власть. — 2022. —
№ 4 (94). — С. 48—57. —
DOI 10.22394/1996-0522-2022-4-48-57. —
EDN IZYJCA.

УДК 130.122

EDN IZYJCA

DOI 10.22394/1996-0522-2022-4-48-57

ВОЙНА В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПОРЯДКА

Соловьева Светлана Владимировна,
Самарский государственный университет
путей сообщения,
заведующая кафедрой философии
и истории науки,
доктор философских наук, доцент.
Самара, Россия.
ORCID: 0000-0002-1642-2000
E-mail: metaphisica2@gmail.com

Аннотация

Введение. Философская рецепция оснований социального и принципов войны выступают как связанные процессы. Исторически конкретный тип социокультурного бытия порождает уникальный способ философской артикуляции о природе порядка общества и культуры, войны и мира.

Цель. Экспликация связи между типом концептуализации войны (классической, тотальной, новой войны) и осмыслением принципов социального порядка.

Методы. В качестве ведущей методологии в исследовании проблемы связи войны и социокультурного порядка использованы методы исторического и конструктивистского подхода.

Научная новизна исследования. Через выделение стратегических принципов разных теорий войны (классическая тринитарная война, концепция тотальной войны и мобилизации, теория «новых войн») показана связь порядка войны с фундаментальными основаниями общества и культуры на разных этапах исторического развития.

Результаты. Рассмотрение трех теорий войны позволяет представить их как разные проекты осмысления социокультурного порядка философии модерна. В статье выделены и проанализированы ведущие положения исторически различных теорий войн: «война как продолжение политики»; «тотальность войны и мобилизации» как основание социально-политического порядка; «новая война» как концепт культурного поворота.

Выводы. Современные исследования войны отличаются активным обращением к осмыслению связи вооруженных столкновений с конкретностью культурного бытия, которое и задает контекст, способ мышления и действия потенциальных акторов военных действий. В статье показано, что актуальные теории и практики войны характеризуются своеобразным сосуществованием разных по своей исторической глубине пластов социальной реальности.

Ключевые слова:

теория тринитарной войны,
теория тотальной войны,
теория «новых войн»,
социокультурный порядок

Введение

Современность пребывает в состоянии изменения и перехода: институты и субъекты сталкиваются с невиданными футуристическими вызовами, изобретаются принципы нового порядка, углубляется контроль, повседневность автоматизируется и автономизируется. Как в новых обстоятельствах обнаруживает себя феномен войны — старый как человеческий мир? Произошла ли миграция зверств и ужасов войны в киберпространство, где насилие виртуализировано, а ущерб не всегда представляет собой опасность для жизни? Мир стал сложнее еще и потому, что в нем как бы сосуществуют разные по своей исторической глубине пласты, и война не стала здесь исключением.

В центре внимания статьи — осмысленные связи между типом концептуализации войны и принципами социального порядка. Проблема социального порядка в истории философии имеет давнюю традицию осмысления. Уже в Античности бытие общества толковалось как определённая форма порядка. В узком смысле категория «социальный порядок» выходит на первый план социальной онтологии только в XVII—XVIII вв. (преимущественно в теориях общественного договора) и получает свое научное воплощение в марксизме и функционализме. Развитие франкфуртской школы, рефлексивной социологии (П. Бурдьё), постструктурализма (М. Фуко), теорий символического интеракционизма приводит к расширению содержания категории «социальный порядок» за счет включения в материалистическое понимание порядка процессов производства современной культуры. Cultural Turn переформатировал проблему, переводя ее из ракурса социальной онтологии в план культурного поворота в области наук об обществе и культуре. Так проблема социального порядка получила новую постановку, но уже как проблема социокультурного порядка.

Через осмысление стратегических принципов разных исторических концепций войны можно эксплицировать связь порядка войны с фундаментальным порядком общества и культуры на том или ином этапе исторического развития. Философская рецепция общества и культуры, с одной стороны, порядка и принципов войны — с другой — выступают как связанные процессы. Исторически конкретный тип социокультурного бытия порождает уникальный способ философской артикуляции о природе порядка, где основания войны подчас неотличи-

мы от оснований социального и человеческого бытия. Цель представленной работы связана с экспликацией связи между типом концептуализации войны (в трех самых известных европейских доктринах классической, тотальной, новой войны) и осмыслением принципов социокультурного порядка. Реализация данной цели не предполагает представление собственного, оригинального определения категории «война», но сосредоточено на тех интерпретациях, которые в эксплицитном или имплицитном виде уже присутствуют в философском и научном дискурсе. Вне зависимости от типа перечисленных выше доктрин война рассматривается в них как вооруженная борьба между социальными субъектами (государства, армии, институты, группы) с использованием разнообразных ресурсов, начиная от военных, экономических, политических, заканчивая медийными.

Методы и материалы

Исследование было проведено с опорой на критическую и конструктивистскую методологию. Применение исторического подхода позволило рассмотреть связь трех крупных европейских теорий войны XIX — н. XXI (концепты тринитарной, тотальной войны и «новых», гибридных войн) со способом постановки и решения проблемы социокультурного порядка. Выбор данных теорий войны обусловлен тем обстоятельством, что проблема экспликации оснований порядка, власти в философии Нового и Новейшего время выступает не просто фундаментальной, но центральной для разработки любой социальной теории. Проблема порядка имплицитно обнаруживается в осмыслении самых разных социокультурных феноменов, включая исследования войны. Работы Клаузевица, Людендорфа, Фрэнка Г. Хоффмана (крупных военачальников, теоретиков, историков войны) представлены в контексте их критического осмысления российскими и зарубежными учеными.

Концепт тринитарной войны и проблема социального порядка

Принципы и порядок войны артикулируются в форме стратегии. Стратегия как рационализация порядка войны была изобретена задолго до Нового времени. История знает множество блестящих образцов полководческого и военного искусства — это цивилизации Древнего мира — Китай, Греция, Рим. Военная история прошлого

тесно переплетена с крупными изобретениями военно-теоретической мысли. Уже в VI в. до н. э. великий представитель древнекитайской школы военной философии Сунь-Цзы писал о том, что максимальный успех в деле войны — это побеждать вражеские армии без боя, захватывать города без осад, подчинять государство без изнурительных и долгих сражений [19, с. 39]. Кульминацией успешной стратегии выступает такая ситуация на театре военных действий, когда противник не имеет доступа к ресурсам, а победители добились капитуляции врага без боя. В военной философии Нового и Новейшего времени подобный подход к пониманию сущности вооруженных конфликтов остается актуальным, свидетельством тому выступает пополнение категориального аппарата темы понятиями «военная политика», «большая стратегия» и др. В книгах выдающегося британского военного историка и теоретика Б. Лиддел Гарта обсуждаемая идея находит максимальное воплощение [12; 13].

Общим методом для указанной традиции выступает положение о том, что война рассматривается как «разновидность общественной деятельности», следовательно, она ведется тем способом управления, той формой организации власти, который принят в конкретном обществе [9, с. 67]. Фундаментальной установкой в конструировании классической теории войны Нового времени было положение о связи военного и политического, при этом война рассматривается как продолжение политики.

Двести лет назад известный теоретик войны фон Клаузевиц писал, что война — это троица, объединяющая насилие (слепую природную вражду и ненависть), игру вероятностей и случаев (пространство свободы), оружие политики (основа для ее рационализации). Из этих базовых элементов войны конституируются соответствующие указанной последовательности субъекты войны — народ, полководцы с армией, правительство [7]. Насилие только тогда можно назвать войной, если война ведется между государствами, во имя государства, а значит, не требует никакого оправдания. Легитимация насилия в практике вооруженных столкновений проходила по водоразделу субъектов. В классической концепции войны четкое разграничение между армией и гражданским населением позволяло сгладить неизбежный контекст — возрастание грубого произвола, физического и психологического давления. Гражданское население, хотя и несет тяготы лишений, не должно быть полностью погружено во все

коллизии и схватки. Инструментом войны являются вооруженные силы, стоящие на службе правительства. Война ведется за счет народа и от его имени, но население страны должно как можно меньше участвовать в процессе вооруженного столкновения. Тринитарная структура войны включает в себя противостояние государства против другого государства, армии — против вражеской армии. Такое понимание войны схватывает ее суть — сосредотачивать в себе противоположности, управляя и направляя их в конкретные действия.

Немецкий теоретик создает концепт войны, предполагающий наличие невиданного объема ресурсов и «энергии». Огромный энергетический бюджет классической войны XIX — нач. XX вв. связан с «историзацией» войны (включение ее рефлексии в темпоральную перспективу), а также экспликацией связи боевого и социального порядка. Военные средства тогда будут эффективны, когда они являются продуктом «гражданского общества». Приоритет в любом случае остается за социально-политической трансформацией, эффектом которой была историзация (а не универсализация) стратегем, как это было в Античности) рационального военного искусства — стратегии [8, с. 59]. Порядок войны вторичен по отношению к социально-политическому порядку общества. Классическая концепция тринитарной войны очевидно демонстрирует решение фундаментальной для социальной философии Нового времени проблемы — проблемы порядка как центральной в конструировании теории и практики общества Модерна. Эта теория войны исполнена в магистральной постановке проблемы Гоббса, где темы истоков социального, оснований порядка, Левиафана и войны теснейшим образом переплетены. Концепт войны как продолжения политики интегрирован не только в постановку проблемы поиска оснований социального порядка «*par excellence*», но и решение ее (тринитарная структура войны) эксплицирует ядро модернистского понимания власти, представления о порядке как о «как телесе политического» [5].

Потенциальной ловушкой классической теории войны становится ее практическая реализация. Обнаруживается, что удерживать приемлемый уровень насилия под контролем институтов власти — сложнейшая задача, с которой не всегда возможно справиться. Война способна изживать социальный порядок, выходить из позиции «продолжения политики другими средствами». Иллюстрации не заставили себя долго

ждать. В период Первой мировой война превращается, как замечает Ван Кревельд, в самодостаточного монстра, с которым не могли справиться ни военные деятели, ни население, ни экономика, ни правительство [9, с. 81].

Теория «тотальной войны» и «мобилизации» как аннулирование различия войны и мира

Практика ведения воин индустриально-колониального капитализма XIX — нач. XX вв. привела часть философов к переводу фокуса своего внимания на выявление онтолого-антропологического истока войны. В частности, философский проект «консервативной революции» предложил в качестве фундаментального основания политического — различие врага и друга, взятое в «экзистенциальном», а не психологическом, метафорическом, символическом или нормативном смысле. Концепция Шмитта стала своеобразным симптомом перехода в концептуализации актуального уже для XX в. представления о войне как «тотальной». По разделительной линии «друг — враг» группируются народы — публично представленная «борющаяся совокупность людей», которая противостоит подобной же совокупности [22, с. 310]. Если устранить войну как способ обнаружения напряжения в бинарности «друг — враг», то мир окажется «миром без политики» [22]. По Шмитту, война не ведется на основании «чисто» религиозных, экономических, моральных или иных мотивов. Война как крайняя форма реализации вражды, и будет потенциальной возможностью для политики до тех пор, пока будет иметь «смысл понятие врага». Война — это «бытийственное отрицание чужого бытия», выражающее себя в физическом уничтожении врага [22, с. 309]. В проекте «консервативной революции» происходит онтологизация и поэтизация войны. Война начинает пониматься как бытийное условие существования политического как такового. Подобная милитаризация философского дискурса позволила увенчать концепцию «тотальной войны» ее апологией.

Так теория тотальности войны аннулировала классическую тринитарную войну, обернув («поставив с ног на голову»), ее исходные посылки. Уже не тип общества определяет стратегию и практику войны, но общество, тотально военизируясь, создает социально-политический порядок. В сфере стратегического искусства концепт

«тотальной войны» разработан Эрихом Людендорфом (1935 г.). Он возникает как продукт отказа (части немецкой философско-политической мысли XVIII — н. XIX в.) от идеи «вечного мира» в пользу рационализации войны как гаранта сохранения жизни [14]. В отличие от Клаузевица, который считал войну продолжением политики, немецкий генерал и теоретик войны XX в. Людендорф рассматривал мир и политику как реальности, подчиненные тотальности войны [18]. Формально это подавалось как переход от вооруженного столкновения армий к сражению наций. Отсюда концепт «тотальной войны» предполагал «тотальную мобилизацию», концентрацию всех видов сил, ресурсов (человеческих, технических, экономических, культурных и пр.) для победы. По мнению ряда исследователей, концепция «тотальной мобилизации» Э. Юнгера [23] выступает как один из проектов модерна, который можно интерпретировать как своего рода «трансцендентальную схему будущего», стоящую в одном ряду с «Черным квадратом» Малевича или творчеством Баухауза [3].

В теории тотальной войны обнаруживается фундаментальная философская проблема — соотношение мира и войны — традиционный сюжет диалектики. В теории тотальной войны словно изымается онтологическое различие мира и войны, первый исчезает как альтернатива второго. Мир теряет самобытное значение, общество превращается в единую «военную машину», что неизбежно привело к максимизации разрушений во Второй мировой войне. В период 1939—1945 гг. война приобрела приметы тотальности, становясь всеобъемлющей, захватывая все регионы повседневности, всю систему институтов. «Мировые воины» с их «тотальностью» суть уже следствие бытийной оставленности, они разрушают границу, различие между «войной и миром», рожают такое состояние сущего, где война не воспринимается как война, а мир «становится бессмысленным и бессодержательным» [21, с. 188]. Бытие, истина покинули сущее, сущее отклонилась от подлинного, а значит, границы мира и войны стираются, и блуждание между этими состояниями сущего носит исключительно внешний характер.

Подобное решение проблемы отношения войны и оснований социального порядка решается через аннулирование мира как онтологически исходного состояния совместности людей друг с другом. Производится представление миропорядка в категориях тотальности войны, мобилизации, техники

и собственно жизни «как органической конструкции», имеющей глубоко метафизический смысл.

Концептуализация «новой войны» в контексте культурных поворотов

Мировые войны XX века стали как своеобразной кульминацией теории «тотальной войны», так и выступили свидетельством ее краха. Ужасы Второй мировой войны привели к отказу от концепта «тотальной войны», философы и военные теоретики, начиная с 50-х годов XX в. начинают разрабатывать теорию «ограниченной войны». Социальный порядок после падения фашизма и сопровождающих его ужасов (Холокост, концлагеря, преступления против мира, безопасности, человечности) стал иным, трансформировался сам способ рассуждения о вооруженных конфликтах в сторону большей гуманизации дискурса войны. Идея локализации конфликта низкой интенсивности в наиболее нецивилизованных регионах, разработка концепта «ограниченной ядерной войны» (современные доктрины войны ведущих ядерных государств мира), а позже моделей «информационной войны», «кибервойны» — вот главные приметы концептуализации войны нового типа. В настоящее время активно разрабатываются теории «новых войн» (включая «шестое поколение» войны, предполагающей обесценивание ядерного оружия и ставку на разгром противника с применением массированных информационных и высокоточных ударов не пилотируемым оружием). Эта теоретическая работа сопровождается дискуссиями о возможностях применения не конвенционального вооружения, о судьбах политики в случае развязывания «тотальной», в том числе и ядерной войны [2; 17].

Исторический подход к исследованию феномена войны в отличие от онтолого-метафизического предполагает рассмотрение войны в контексте эмпирически конкретного общества, эмпирически конкретной культуры. Альтернативной указанной выше консервативной рецепции войны и политики («тотальная война», «тотальная мобилизация», разделения на «друг — враг» и пр.) после 1945 г. становится так называемый постколониальный поворот в области исследований культуры. «Postcolonial turn» зафиксировал иные способы, механизмы и практики «другоизации» в области исследований культуры и общества [1, с. 218—219]. Война меняется вместе с типом культуры и социальности, поэтому войны XXI в., как убе-

дительно показывает А. Куманьков, существенно отличны от предыдущих. Наиболее заметные практики и формы современных вооруженных столкновений — терроризм, информационные и компьютерные войны, деятельность частных военных компаний в конфликтах «низкой интенсивности» и пр. [10; 11]. Это усложняет не только военнополитическое, но культурное содержание теории и практики современной войны. Конструирование концепта войны начиная со второй половины XX века, и тем более в начале XXI в., разворачиваются в мейнстриме «поворотов», трансформирующих как философский, так и социально-гуманитарный научный дискурс. Без лингвистического, антропологического, медиального, иконического, постколониального и прочих поворотов невозможно помыслить современное исследование войны.

Существует множество дискуссий по вопросу различия старых и новых войн. Исследователи задаются вопросом о том, можно ли считать войнами современные вооруженные конфликты? По мнению М. Калдор, новые войны безусловно существуют, и они отличаются от «старых» (концептуализированных Клаузевицем и другими теоретиками). Инновационными элементами и чертами современной войны выступает «отношения к глобализации и технологиям», что выразилось:

- в возможности вести «симметричную войну» между равными по силе противниками, а это существенно затрудняет победу;
- в наличии информационных технологий и разветвленности медиа, что быстро выводит локальные конфликты за свои границы, глобализуя их;
- в трансформации института государства, что проблематизирует установку на организованное насилие, порождает трудности в определении субъектов войны (размывание границы в понимании государственных/негосударственных, внутренних/внешних конфликтов, различий между комбатантом/нонкомбатантом и пр.);
- в стремлении к минимализации боевых и гражданских потерь, в снижении «смертоночности» войн (несмотря на то что этот тезис М. Калдор кажется спорным, она обосновывает позицию посредством анализа открытых данных, представленных самими разными организациями и сообществами: Opinion Research Business, UNAMA, Internal Displacement Mon-

iting Centre, Iraq Body Count, результатами социологических опросов общественного мнения в воюющих странах, данными Центра исследований и документации в Сараево, докладами Международного комитета спасения и пр.) [4, с. 382—400].

М. Калдор убеждена, что «новая война» — это комбинация войны («организованного в политических целях насилия»), преступления («организованного насилия в частных целях») и аннулирования прав человека («насилие против гражданского населения»). Если традиционная («тринитарная») война выстраивалась через «внешнеполитическую стратегию», а мобилизация выступала исключительно средством, то цель войны нового типа — это «мобилизация вокруг политического нарратива», а стратегия / политика — это форма ее апологии, оправдания [4, с. 402—404]. Война в сетевом обществе предполагает борьбу за идентичность в противоположность идеологии, ориентацию на политический (а не физический) контроль за населением с использованием страха и террора, насилием между различными комбинациями государственных и негосударственных образований.

По мнению Г. Мюнклера, теория «новых воин» пока не разработана, хотя М. Калдор были выделены важные характеристики «новых» воин (приватизация войны или утрата государством монополии на войну, «антисимметризация военного насилия», «демилитаризация войны») или потеря монополии регулярных сил на ведение войны) [15, с. 193—195]. Исследователь Г. Мюнклер убежден, что «новые» воины — это не просто революция в военной стратегии и военном деле, это более фундаментальный феномен, который демонстрирует «изменения в политических и социальных условиях», определяющих порядок ведения воин, трансформирующих стратегию и социально-политический порядок [15, с. 203].

Перечисленные признаки нового типа войны, очевидно, представляют бэкграунд глобально- и медиацентрированной культуры, где фон, сети, снижение реального и возрастание виртуального насилия, размывание границ становятся нормой дня. Современная культура создает разные, конкурентные типы нарративов, обслуживающих враждующие стороны конфликтов. Рождаются новое поле боя — медиа и Интернет. Современные вооруженные конфликты осваивают цифровые и информационные технологии.

Активное развитие доктрин и практик кибервойны, создание киберармии, кибер-

безопасности и киберразведки начинается в 90-е годы XX в. в США, а позже и в Китае. Концепт кибербезопасности рассматривается как эквивалент ядерного сдерживания, альтернатива «реализма» в политики. В настоящее время многие страны наращивают потенциал в военном деле, экономике и управлении для расширения киберсдерживания [27]. Поворотным событием выступила известная операция США «Буря в пустыне». Уроком операции стала разработка Китаем стратегии «сетевизации» («wangluohua»), сокращение инвестиций в традиционные войска в пользу информационных технологий, конструирование «компьютерного поля боя». В США Национальная стратегия по безопасности киберпространства была утверждена президентом Дж. Бушем-младшим в 2003 году [6]. Стратегия, разрабатываемая Киберкомандованием США («Национальная военная стратегия ведения киберопераций»), декларирует оборонительный принцип, хотя киберпространство рассматривается как новый театр военных действий американской армии.

Культурно-антропологическая рецепция войны, история феномена вооруженного конфликта позволяет говорить о все большем усложнении ее строя и содержания. Это подтверждает современная гибридная война — соединение разных типов войны (где схватка пехоты сопровождается обстрелами беспилотников и «информационной бомбой»). Сложность ведения современной гибридной войны состоит в том, что элементы разных культур (от традиционных до кибернетических) необходимо превратить в слаженный ансамбль действий людей, машин, инфраструктуры [24]. И суть гибридации войны не только в затейливо устроенной политической, организационной, материальной организации, но также и в ее «мультикультурной слоистости». В каком-то смысле феномен гибридной войны встраивается в процесс индивидуализации культуры: «В гибридной войне противник скорее всего представляет уникальные комбинированные угрозы, <...> предназначен для устранения уязвимых мест» [25]. Подобно тому, как мультикультурализм соединяет когда-то автономные культуры (оказалось, задача оказалась не простой!), так и в конструировании новой войны соединяются «разные исторические коды». Это наделяет вооруженный конфликт дополнительными внутренними противоречиями и «нестыковками». Отсюда всякая победа в гибридной войне никогда не будет окончательной, потому что игра ведется на разных полях

боя: агональность все время мигрирует в широком ранжире форм противостояния (от реального боя и до кибератак). Искусство и наука (стратегия) современной войны состоит в конструировании уникально-индивидуализированной комбинации ансамблей элементов из разных исторических эпох и концептуальных стилей борьбы.

Заключение

Стратегия как наука и искусство ведения войны соответствует исторически конкретному типу общества и культуры. Военный конфликт в средневековой культуре отличен конфликта «низкой интенсивности» постиндустриального мира. Классические теории войны показали, что война была связана с тем буржуазным обществом и обществом капиталистической экспансии через создание, рост, конкуренцию колониальных империй. Мировые войны XX века становятся своеобразной кульминацией классических теорий войны и в то же время свидетельствуют об их крахе, о невозможности, антигуманности и антиморальности их возможной реализации

Одним из критериев, свидетельствующих о современности той или иной военной стратегии/тактики, выступает, по мнению М. Уолцера, «наивный» и кажущийся спекулятивным тезис о справедливости. Моральная теория ведения войны должна стать ее реальным ограничителем [20, с. 126—127]. Это демонстрирует не только множество социальных практик, но и объем философской рефлексии морали войны. В Стэнфордской философской энциклопедии статья «Война» посвящена преимущественно дискуссиям о «морали войны», «теории справедливой войны», принципам и отношению к «возможным жертвам войны» [26]. Российские философы также интегрированы в международные дискуссии по проблемам справедливости и этики войны [16]. Современные войны не могут уже оцениваться только с политических, военных или экономических позиций, она попадает в режим этической и культурологической рефлексии. Актуальное исследование войны в ракурсе сферы нормативного, ценностного и должного имеет безусловные перспективы.

Создаваемый на рубеже XX—XXI вв. концепт «новой войны» выступает продолжением феномена «поворотов» в сфере философского и социально-гуманитарного познания. Теперь «лицо» войны определяет не только элегантность решения проблемы социального порядка общества модерна, но

то исторически конкретное бытие культуры, которое и задает контекст, способ мышления и действия потенциальных акторов вооруженных действий. Современная теория и практика войны свидетельствует о том, что война — не просто продолжение политики, или способ тотализации, мобилизации всех ресурсов общества для утверждения господства, но и портрет культуры в миниатюре «локального вооруженного конфликта». Культуры и общества, изменяясь, наполняют уникальным содержанием базовые категории и установки: отношение к жертвам и смерти, формы коллективного действия, конструирование пространства/времени вооруженного конфликта, концепты справедливости, исторически конкретные способы наррации событий войны и пр. Так теории войны сосредотачивают в себе фундаментальные принципы ведения войны, представляя исторические «квинтэссенции» культурных категорий.

1. Бахманн-Медик, Д. Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре / Д. Бахманн-Медик ; пер. с нем. С. Ташкенова. — М. : Новое литературное обозрение, 2017. — 504 с.

2. Верхотуров, Д. Н. Ядерная война / Д. Н. Верхотуров. Все сценарии конца света. — М. : Эксмо, 2016. — 288 с.

3. Гузикова, М. О. «Тотальная мобилизация» Эрнста Юнгера как проект модерности: историческая реконструкция и интерпретация / М. О. Гузикова : дис. ... канд. истор. наук : 07.00.03 «Всеобщая история (соответствующего периода)». — Екатеринбург, 2004. — 166 с.

4. Калдор, М. Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху / М. Калдор ; пер. с англ. А. Апполонова, М. Дондуковского ; ред. перевода А. Смирнов, В. Софронов. — М. : Изд-во Института Гайдара, 2015. — 416 с.

5. Кильдюшов, О. Проблема социального порядка (Гоббсова проблема): к эвристике и прагматике конститутивного вопроса современной теории общества / О. Кильдюшов // Социологическое обозрение. — 2016. — Т. 15, № 3. — С. 122—149. — DOI: 10.17323/1728-192X-2016-3-122-149.

6. Кларк, Р. Третья мировая война: какой она будет? / Р. Кларк, Р. Нейк ; пер. с англ. Е. Кармановой. — М. : Питер, 2011. — 337 с.

7. Клаузевиц, К. О войне / К. Клаузевиц. — URL: <http://lib.rus.ec/b/141602/read#t3> (дата обращения: 10.08.2022).

8. Клаузевиц, К. От некоего военного к Фихте, автору статьи о Макиавелли, опубликованной в первом томе [журнала] «Веста» / К. Клаузевиц // Логос. — 2019. — Т. 29. — № 3. — С. 57—66.

9. Кревельд, М. Трансформация войны / М. Кревельд ; пер. с англ. ; ред. пер. Ю. Кузнецов. — М. ; Челябинск : Социум, 2020. — 322 с.

10. Куманьков, А. Война в XXI веке / А. Куманьков. — М. : Высшая школа экономики, 2020. — 296 с. — DOI: 10.17323/978-5-7598-1957-8.

11. Куманьков, А. Д. Современные классики теории справедливой войны: М. Уолцер, Н. Фуштин, Б. Орэнд, Дж. Макмахан / А. Д. Куманьков. — СПб. : Алетейя, 2019. — 268 с.

12. Лиддел-Гарт, Б. Решающие войны в истории / Б. Лиддел-Гарт ; пер. А. А. Цыпленкова. — М. : Центрполиграф, 2012. — 287 с.

13. Лиддел Гарт, Б. Стратегия непрямых действий / Б. Лиддел-Гарт ; пер. Б. Червякова, И. Козлова, С. Любимого. — М. : Эксмо ; СПб : Милгард, 2008. — 464 с.

14. Людендорф, Э. Тотальная война / Э. Людендорф ; пер. с нем. А. В. Петров. — М. : Эксмо, 2015. — 442 с.

15. Мюнклер, Г. Осколки войны: эволюция насилия в XX и XXI веках / Г. Мюнклер ; пер. с нем. А. И. Лоскутовой. — М. : Кучково поле, 2018. — 384 с.

16. Нравственные ограничения войны. Проблемы и примеры / под ред. Б. Коппитерс, Н. Фуштин, Р. Апресян. — М. : Гардарики, 2002. — 407 с.

17. Слипченко, В. И. Войны шестого поколения: оружие и военное искусство будущего / В. И. Слипченко. — М. : Вече, 2002. — 381 с.

18. Соловьева, С. В. Рационализация войны в современной философии / С. В. Соловьева // Наука и культура России. — 2022. — Т. 1. — С. 33—38.

19. Сунь-Цзы. Трактаты о военном искусстве / Сунь-Цзы, У-Цзы ; пер. с кит., предисл. и коммент. Н. Р. Конрада. — М. : АСГ ; СПб. : Terra Fantastica, 2002. — 558 с.

20. Уолцер, М. Триумф теории справедливой войны (и опасности успеха) / М. Уолцер // Логос. — 2019. — Т. 29, № 3. — С. 117—139.

21. Хайдеггер, М. Преодоление метафизики // М. Хайдеггер. Время и бытие. Статьи и выступления ; пер. В. В. Бибикина. — М. : Республика, 1993. — С. 177—191.

22. Шмитт, К. Понятие политического / К. Шмитт ; пер. с нем. А. Ф. Филлипова. — СПб. : Наука, 2016. — 567 с.

23. Юнгер, Э. Рабочий. Господство и гештальт; Тотальная мобилизация; О боли /

Э. Юнгер ; пер. с нем. А. В. Михайловского ; под ред. Д. В. Складнева. — СПб. : Наука, 2000. — 539 с.

24. Conflict in the 21st Century: The Rise of Hybrid Wars. Hoffman, Frank G. *Conflict in 21st Century: The Rise of Hybrid Wars (link is external)*. — Arlington, VA : Potomac Institute for Policy Studies, 2007.

25. Hoffman, Frank (2009) Hybrid Threats: Reconceptualizing the Evolving Character of Modern Conflict (Strategic Forum, Number 240, April 2009). — 9 p.

26. Lazar, Seth (2020) "War", The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Spring 2020 Edition), Edward N. Zalta (ed.). — URL: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2020/entries/war/> (дата обращения: 08.10.2022).

27. Watanabe, S. (2020). States' Capacity Building for Cybersecurity // IR Approach / S. Watanabe, D. Kreps, T. Komukai, T. V. Gopal, K. Ishii (eds) Human-Centric Computing in a Data-Driven Society. HCC 2020. IFIP Advances in Information and Communication Technology, vol 590. Springer, Cham. — URL: https://doi.org/10.1007/978-3-030-62803-1_18. (дата обращения: 08.10.2022).

References

1. Bahmann-Medik D. (2017) Kulturnye povroty. Novye orientiry v naukah o kulture [Cultural twists. New landmarks in the sciences of culture] / Per. s nem. S. Tashkenova. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 504 p. [in Rus].

2. Verhoturov D.N. (2016) Jadernaja vojna. Vse scenarij konca sveta [Nuclear war. All doomsday scenarios]. Moscow, Jeksmo, 2016. 288 p. [in Rus].

3. Guzikova M. O. (2004) «Totalnaya mobilizatsiya» Ernsta Yungera kak proekt modernosti: istoricheskaya rekonstruktsiya i interpretatsiya [«Total mobilization» by Ernst Junger as a project of modernity: historical reconstruction and interpretation]: specialnost 07.00.03 "Vseobshaya istoriya (sootvetstvuyushogo perioda)": dissertatsiya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk. Ekaterinburg, 166 p. [in Rus].

4. Kaldor M. (2015) Novye i starye vojny: organizovannoe nasilie v globalnuyu epohu [New and Old Wars. Organised Violence in a Global Era] / per. s angl. A. Appolonova, M. Dondukovskogo; red. perevoda A. Smirnov, V. Sofronov. Moscow, Izd-vo Instituta Gajdara, 416 p. [in Rus].

5. Kildyushov O. (2016) Problema socialnogo poryadka (Gobbova problema): k evristike i pragmatike konstitutivnogo voprosa sovremennoj teorii obshestva [The

problem of social order (Hobbesian problem): to the heuristics and pragmatics of the constitutive question of the modern theory of society]. *Sociologicheskoe obozrenie*, t. 15, no. 3, pp. 122-149. DOI 10.17323/1728-192X-2016-3-122-149 [in Rus].

6. Klark R., Nejk R. (2011) Tretya mirovaya vojna: kakoj ona budet? [Cyber War: The Next Threat to National Security and What to Do About It?] / per. s angl. E. Karmanovoj. Saint Petersburg, Piter, 337 p. [in Rus].

7. Klauzevic K. O vojne [About war], available at: <http://lib.rus.ec/b/141602/read#t3> (accessed 10.08.2022) [in Rus].

8. Klauzevic K. (2019) Ot nekoego voennogo k Fihte, avtoru stati o Makiavelli, opublikovanoj v pervom tome [zhurnal] «Vesta» [From a certain military man to Fichte, the author of an article on Machiavelli, published in the first volume of [magazine] Vesta]. *Logos*, t. 29, no. 3, pp. 57-66 [in Rus].

9. Kreveld M. (2020) Transformaciya vojny [The transformation of war] / per. s angl.; red. per. Yu. Kuznecov. Moscow; Chelyabinsk, Socium, 322 p. [in Rus].

10. Kumankov A. (2020) Vojna v XXI veke [War in the 21st century]. Moscow, "Vysshaya shkola ekonomiki", 296 p. DOI 10.17323/978-5-7598-1957-8 [in Rus].

11. Kumankov A. D. (2019) Sovremennye klassiki teorii spravedливой vojny: M. Uolcer, N. Foushin, B. Orend, Dzh. Makmahan [Modern classics of the theory of just war: M. Walzer, N. Foushin, B. Orend, J. McMahan]. Saint Petersburg, Aletejya, 268 p. [in Rus].

12. Liddel Gart B. (2012) Reshajushhie vojny v istorii [The decisive wars of history] / per. A. A. Cyplenkova. Moscow, Centrpoligraf, 287 p. [in Rus].

13. Liddel Gart B. (2008) Strategiya neprjamyh dejstvij [The strategy of indirect approach] / Perevod B. Chervjakova, I. Kozlova, S. Ljubimogo. Moscow, Jeksmo; Saint Petersburg, Milgard, 464 p. [in Rus].

14. Lyudendorf E. (2015) Totalnaya vojna [Totalitarian war] / per. s nem. A. V. Petrov. Moscow, Eksmo, 442 p. [in Rus].

15. Myunkler G. (2018) Oskolki vojny: Evolyuciya nasiliya v XX i XXI vekah [Fragments of War: The Evolution of Violence in the 20th and 21st Centuries] / Per. s nem. A. I. Loskutovoj. Moscow, Kuchkovo pole, 384 p. [in Rus].

16. Nравственные ограничения войны. Problemy i primery (2002) [Moral limits of war. Problems and examples] / Pod red. Koppiters B., Foushin N., Apresyan R. Moscow, Gardariki, 407 p. [in Rus].

17. Slipchenko V.I. (2002) Vojny shestogo pokolenija: oruzhie i voennoe iskusstvo budushhego [Sixth generation wars: weapons and martial arts of the future]. Moscow, Veche, 381 p. [in Rus].

18. Solov`eva S.V. (2022) Racionalizaciya vojny` v sovremennoj filosofii [Rationalization of war in modern philosophy]. *Nauka i kul`tura Rossii*, t. 1, pp. 33-38 [in Rus].

19. Sun'-Czy, U-Czy (2002) Traktaty o voennom iskusstve [Treatises on the art of war] / Per. s kit., predisl. i komment. H.R Konrada. Moscow, OOO «Izdatel'stvo ASG»; Saint Petersburg, Terra Fantastica, 558 p. [in Rus].

20. Uolcer M. (2019) Triumf teorii spravedливой vojny (i opasnosti uspeha) [The triumph of just war theory (and the dangers of success)]. *Logos*, t. 29, no. 3, pp. 117-139 [in Rus].

21. Hajdegger M. (1993) Preodolenie metafiziki [Overcoming metaphysics]. *Hajdegger, M. Vremya i bytie. Stati i vystupleniya* / per. V.V. Bibihina. Moscow, Respublika, pp. 177-191 [in Rus].

22. Shmitt K. (2016) Ponyatie politicheskogo [The concept of political] / per. s nem. A.F. Fillipova. Saint Petersburg, Nauka, 567 p. [in Rus].

23. Yunger E. (2000) Rabochij. Gospodstvo i geshtalt; Totalnaya mobilizaciya; O boli [Worker. Dominance and gestalt; Total mobilization] / per. s nem. A. V. Mihajlovskogo pod red. D. V. Sklyadneva. Saint Petersburg, Nauka, 539 p. [in Rus].

24. Conflict in the 21st Century: The Rise of Hybrid Wars (2007). Hoffman, Frank G.. *Conflict in 21st Century: The Rise of Hybrid Wars (link is external)*. Arlington, VA, Potomac Institute for Policy Studies [in Eng].

25. Hoffman Frank (2009) Hybrid Threats: Reconceptualizing the Evolving Character of Modern Conflict (Strategic Forum, Number 240, April 2009), 9 p. [in Eng].

26. Lazar Seth (2020) "War", The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Spring 2020 Edition), Edward N. Zalta (ed.), available at: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2020/entries/war/> (accessed 08.10.2022) [in Eng].

27. Watanabe S. (2020) States' Capacity Building for Cybersecurity: An IR Approach. In: Kreps, D., Komukai, T., Gopal, T.V., Ishii, K. (eds) Human-Centric Computing in a Data-Driven Society. HCC 2020. IFIP Advances in Information and Communication Technology, vol 590. Springer, Cham, available at: https://doi.org/10.1007/978-3-030-62803-1_18. (accessed 08.10.2022) [in Eng].

Статья поступила в редакцию 02.11.2022

For citing: Solovyova S.V. War in the context of the sociocultural order problem / S.V. Solovyova // *Socium i vlast'* [Society and Power]. — 2022. — № 4 (94). — P. 48—57. — DOI 10.22394/1996-0522-2022-4-48-57. — EDN IZYJCA.

UDC 130.122

EDN IZYJCA

DOI 10.22394/1996-0522-2022-4-48-57

WAR IN THE CONTEXT OF THE SOCIOCULTURAL ORDER PROBLEM

Svetlana V. Solovyova,

Samara State Transport University,
Head of the Department of Philosophy
and History of Science,
Doctor of Philosophy, Associate Professor.
Samara, Russia.
ORCID: 0000-0002-1642-2000
E-mail: metaphisica2@gmail.com

Abstract

Introduction. The philosophical reception of the foundations of the social and the principles of war act as connected processes. A historically specific type of socio-cultural being generates a unique way of philosophical articulation about the nature of the order of society and culture, war and peace.

The purpose of the study is explicating the connection between the type of conceptualizing war (classical, total, new war) and understanding the principles of social order.

Methods. The author uses methods of the historical and constructivist approach as the leading methodology in studying the problem of the war and the sociocultural order connection. **Scientific novelty of the research.** By highlighting the strategic principles of different theories of war (classical trinitarian war, the concept of total war and mobilization, the theory of “new wars”), the connection between the order of war and the fundamental foundations of society and culture at different stages of historical development is shown. **Results.** Consideration of the three theories of war allows us to present them as different projects for understanding the socio-cultural order of the Art Nouveau philosophy. The author highlights and analyzes the leading provisions of historically different theories of wars: “war as a continuation of politics”; “the totality of war and mobilization” as the basis of the socio-political order; “new war” as a concept of cultural turn.

Conclusions. Modern studies of war are distinguished by an active appeal to understanding the connection between armed clashes and the concreteness of cultural life, which sets the context, way of thinking and actions of potential actors in military operations. The article shows that current theories and practices of war are characterized by a kind of coexistence of layers of social reality that are different in their historical depth.

Keywords:

trinitarian war theory,
total war theory,
theory of «new wars»
sociocultural order